

15 АПР 1975

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
в МОСКВА

ОНИ УШЛИ В БЕССМЕРТИЕ...

Вероятно, многим знакомо это историческое, сладостно-тревожное чувство, заставляющее замирать сердца зрителей, когда тускнеет свет люстр, зал погружается в темноту, и начинается чудо, имя которому Театр. Особенно сильно это чувство, когда рождается новый спектакль, тем более опера, опера о том, что всегда будет жить в памяти народной. Дойдет ли, захватит или разочарует? Ведь это случилось...

Но бывает и так, что вот уже в последний раз закрываются занавес, а зал молчит, аедит, прежде чем прорвет тишину благодарными овациями автору и исполнителям. Это значит, что зрители не сразу могут расстаться с героями, их мечтами и страданиями, что спектакль взволновал, заставил многое вспомнить и многое заново пережить. Подобные чувства ошущили, наверно, все, кто был на премьере Большого театра, показавшего новую оперу Кирилла Молчанова «Зори здесь тихие».

Название спектакля позволяет не задерживаться на рассказе о его содержании. Повесть Бориса Васильева, едва выйдя в свет, покорила всех от мала до велика; ее персонажи прочно завоевали и драматическую сцену, и киноэкран. А теперь предстали в опере. Видится бесспорная закономерность в том, что Молчанов не замедлил обратиться к васильевской прозе. Слишком уж неотступна, я бы сказала, самоотверженна привязанность композитора не только к современной теме, но именно к теме Великой Отечественной войны, к героизму и его творчеству. Молчанов воплощает ее в различных образах, в разных вариантах, словно исследуя значение этих огненных лет в психологии народа. Но неизменно образы войны предстанут у него в самых контрастных, в самых драматических аспектах, будь то светлый луч короткой любви двух молодых людей, зажегшихся во мраке фашистской ночи (Ароме, Джульетта и тыма), богатый стоицизм героев Брестской крепости — советских воинов («Неизвестный солдат»), безмерное горе и несгибаемая нравственная сила их жен и матерей («Русская женщина»), и вот теперь — судьбы девятнадцати и старшии Васюка.

Столь же последователен композитор в своем тяготении к вокально-сценическому жанру: «Зори здесь тихие» — его седьмая опера. И, главное, из всех чудес зрители Упорный труд композитора тем более требует уважения и поддержки теперь, когда на нашем оперном фронте, за сценой редким исключением, без перемен... Такое же, как и верность зрительской верности, избранному жанру, почти всегда вознаграждается. И мы являемся свиде-

телями того, как мучает талант Молчанова, как все настойчивее и смелее он ставит перед собой труднейшие художественные задачи и все удачнее их решает. Ныне уже определенно можно говорить о сложившихся принципах оперной эстетики композитора, хотя он не останавливается в своих поисках.

Одаренный композитор и драматург все решительнее ломает привычные схемы оперного спектакля, отказывается от его традиционных форм, широко черпая новые приемы из современной практики как музыкального творчества, так и смежных областей искусства — драматического театра, кино, и т. д. В своих операх, особенно

ровыми, поэзия А. Блока и К. Симонова соседствует с весьма прозаическим текстом, а возвышенно-сосредоточенной, порой даже рафинированной музыке противопоставляются элементы народных астраданий и припевов, прямых или опосредованных цитат из довоенных песен или обиденный вальс, напоминающий репертуар танцплощадок.

Можно не всегда соглашаться со столь разнородным интонационным слогом, порой дающим повод говорить об иллюстративности отдельных эпизодов. Но нельзя не замечать в этих приемах своей драматургической логики, определенного замысла. «Натуральность воспроизведения быта, думается, нужна композитору для то-

щина, уже успевший так много пережить, не охот до выражения своих чувств. Прав ли в этом композитор или не прав, но одаренный актер А. Эйзен и в своих коротких репликах находит живые, правдивые по разнообразию интонационные оттенки, достоверно передает своего застывающего, но душевно богатого героя.

В опере много эпизодически персонажей — Марья (К. Леонова), Полина (Э. Андреева), сержант Кирьянова (В. Григорьев), другие девятнадцати. Не будь их, опера можно было бы приписать к камерному жанру. И это тоже говорит в ее пользу; оставаясь в рамках лирического повествования, композитор счастливо избегал эмоционального пережима, сентиментальности. Не пошли по этому пути и исполнители, и талантливый, сплоченный коллектив единомышленников, поставивших спектакль. С молодым дирижером А. Лазаревым и художником В. Левентелем зрители Большого театра встречались уже не раз, как не раз отменяла критика их достижения, которые укрепили и новая постановка.

Режиссер — постановщик «Зорь» Семен Штейн, главный режиссер Белорусского государственного Большого театра оперы и балета выступил на сценической сцене в качестве «дебютанта». Правда, режиссер несколько лет назад по гострольному спектаклю минчан — «Золотой петухок» Римского-Корсакова. Прекрасное ощущение режиссером музыкального жанра, его умение заметить главное, его изобретательность проявились и в новой работе.

Ранее поставил «Зори» в Новосибирске, Штейн нашел совершенно оригинальную ценностную копию для довольно сложной композиции оперы, усилил ее лирическую «содальность», ее поэтичность. Еще только темнеют люстры, еще молчит оркестр, а зал уже исполняется тихим шептанием. Перед глазами зритель предстает лесная чаща, диалог которому мягко струятся спокойные волны озера. Задумчиво звучит молодежная туристская песня (отлично, с настроением исполняемая Е. Кирилло), незаметно появляется фигура Васюка и, словно из глубины прошедших десятилетий, возникает группа девушек-бойцов. Так же сплелась и закипела, подчеркивая тишину и отдаленность прошедших перед нами событий, и их непреходящее значение для всех поколений советских людей, для судьбы нашей Родины.

Спектакль трогает и волнует, но лечь его света. Театр воздал лирический рекевом о вразоме тех, кто ушел в бессмертие. Память о них стоит в наших сердцах.

Е. ГРОШЕВА.

ПРЕМЬЕРА ОПЕРЫ
«ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ»
К. МОЛЧАНОВА В
БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ СССР

последних, он щедро применяет всякого рода «яглы», полифоническую многослойность действия, иногда разноречивая его сразу в нескольких планах, голоса «за кадром», «коллекция» (цитаты из известных сочинений), записи музыки на пленку с ревербератором и многое другое. В смысле драматургического обновления творчество Молчанова представляет собой своеобразную экспериментальную лабораторию, богатую находками. Но было бы неверно думать, что композитора интересует форматворчество само по себе. Он ищет наиболее мобильные, динамичные сценические средства, чтобы как можно эмоциональнее и сильнее захватить зрителя, заставить его сопереживать всеми героям. Автор этих строк был очевидцем большого успеха одного из первых опытов Молчанова — оперы «Заря» (по мотивам пьесы Б. Лавренева «Разлом»), отлично поставленной в Болгарии советским режиссером Семеном Штейном. Опера вызвала настолько искренние симпатии, что болгарские любители театра просили передать композитору слова горячей благодарности.

Да, Молчанов всегда едрыется к самой демократической аудитории, он хочет быть доступным каждому, даже совсем неискушенному слушателю. И отсюда его умение брать хатящий за живое сюжет, напряженно строить драматические ситуации, свободно использовать музыку быта, обыденная, спрессовывая подчас, казалось, совсем несоместимые пласты искусства. Так и в новой опере героические сцены сопоставляются с жан-

го, чтобы, по контрасту, ярче высветить душевную красоту, высокий нравственный облик своих героев, для которых он приобретает чистые и нежные краски.

Заучит лейтмотив его подвига, и Рита Османия начинает моноло, словно идущий от лица всех, кто погиб в боях за Родину: «Нам не надо жалеть!» Это, пожалуй, единственная тема, которая носит приподнято-патетический характер. И еще скорбный вопль гиссандирующего hora в момент гибели Лизы Бричкиной непосредственно акцентировать трагическую ситуацию. В остальном же музыка Молчанова интимна и скромна. В ней прокаркалывают и мягкий юмор (например, сцена Васюка с женским зычным отделением на разезде), и скупая аска, и девичья беззаботность, и девичья мечтательность.

Женственный лиризм — ведущая краска музыки. Мелодичные женские хоры, звонкий блеск чистоты предают теплое звучание соллирующего фортепиано в «яглы» воспоминаний Риты Османия (Г. Борисова). Контрабасный заезд — Женя — Комельковой (Е. Образцова) сглаживается ее задумчивым романсой за известные стихи К. Симонова «Жди меня». «Натерпелное» предчувствие ослепительного счастья (Б. Васильев) великолепно передет широким распев вокалиста Лизы Бричкиной (Г. Калинин). Хрушка прозрачность музыки, сопровождающей блокочные строки, отвечает поэтической натуре Соии Гурвич (К. Надина). Только вот партия Васюка почти целиком построена на лаконичном речитативе — замкнутой стар-